

В. БИБИХИН

Записи о встречах

Не бывало, чтобы где-то был Аверинцев и это был не праздник или событие или и то и другое. Поэтому говорить о его достоинствах — это одно большое дело, для которого надо читать его книги, задача на будущее. А понять, кто он был, — это другое дело, дело веры. Все чувствовали, что нехорошо было встретиться с Аверинцевым и не думать потом, в крайнем случае просто записать.

Поскольку магнитофона у меня никогда не было, ничто в этих пересказах, даже взятое в кавычки, нельзя считать прямой речью Сергея Сергеевича. Я отвечаю только за то, что ничего не добавлял от себя, когда посилено записывал услышанное и увиденное.

7.1.1986. У Николы очень краткая служба, едем туда семеро в нашей машине; какая бесспорная семья Аверинцевы. Катя после причастия горда, легкомысленна; Ваня спешит к машине. Едем обратно; Авер спрашивает, что нас ждет теперь, если из самых разных мест, самых важных, ему звонят, просят высказаться. “Что мы можем сказать, мы уже знаем, а что *вы* скажете...” Как он свободен! Любит и ищет лучшее. Думает о восклицательных знаках на “социалистических” лозунгах, сравнивает с западным трезвым марксизмом, например, Брехта, Маяковского, к Марксу совсем непричастного. Именно из-за полной непричастности России марксизму... etc. Анекдот: грузин учит попугая: “Скажи: дядя!”, сердится, бьет по голове, в гневе бросает в курятник. На следующее утро попугай разбивает головы курам, учит их: “Скажи: дядя!” Радостный, играющий, наблюдающий, работающий, открывающий и утверждающийся ум. Никакого рабства.

3.4.1986. Волшебник Аверинцев в ГИТИСе. Он говорит об античности и современности, импровизирует, свободно бродит умом. И первая часть лекции была повтором о канонах творчества, необходимых, чтобы можно было проводить состязания, о прямом переносе античных одежд и посуды в жизнь ренессансных гуманистов, архитектуры в строительство; а вторая — размышлением вслух об изоляции греков, для них другая литература была не плоха и не дурна, ее просто вообще не было: греческая литература единственная в мире по самоощущению и по заданию.

14.5.1986. Ира, Аверинцев, Ирина Ивановна Софроницкая со мной ехали в музей Глинки; Аверинцев худ, кашляет. По дороге он вспоминал чужие и свои лимерики: “Молодой углекоп из Донбасса говорил своим братьям по классу: кабы нас бы не били да со щелоком мыли, получилась бы новая раса”. “А один человек в Конотопе оказался в чужом хронотопе. Но на то несмотря он в конце ноября утонул во всемирном потоке”. “Старушка из древней Кампучии была очень всегда невезучая: попадала в костер... под топор и в другие несчастные случаи”. “Жил один человек в Мелитополе, говоривший, что он-де vox populi. Повторил эту фразу он по сотому разу, и тогда его только ухлопали”. В музее Аверинцев говорил мало и раздражил одного человека в публике, который громко спросил, когда будет Скрябин. Но какая великолепная тихая задумчивость, он всегда такой, какой есть, нет грязной возни с собой.

15.5.1986. Аверинцев в ГИТИСе, об Августине в основном, но он не понимает уникальности Августина. Ехали обратно, и Рената рассказывала о вчерашнем злом собрании литераторов, где Чернобыль приписали масонам, диверсиям. Такая оборона чистоты своей души. Это задело Аверинцева так: что же происходит, он ведет с другими

яростную войну за отстаивание кабака XVII века, чтобы через него не прошло шоссе; но как отстоять всё остальное? И я сказал, что понял, вдруг ощутил как верное пророчество одну фразу из лекции Сережи: хорошо бы еще Рим покорился только готам, но потом пришли лонгобарды. Аверинцев вспомнил анекдот, где русские ворчат под африканской властью: “При китайцах нас все-таки не ели”.

22.5.1986. Аверинцев в ГИТИСе, античность в Средневековье, всё загадочно, и, оставляя нетронутой эту тайну, всегда оставляя ей быть, он осторожно прикасается к ней с разных сторон. И вот что главное: он католик или он православный верующий, и это значит, что, как иудей, он очень хорошо, как никто, ясно видит: он ясно видит, что хорошо служит или просто служит христианской церкви и что нет. Церковь. ???
Ориентир и защищаемое. Всегда легко видеть и знать, сколько овец спасено, есть ли приплод. И Аверинцев смотрит на средневековое сердце, — его чистота, простота, страсть к правильности, горечь о беспорядке и безобразии. Много беспорядка и безобразия; сердце помнит тем не менее об идеале, ждет, надеется, живет, молится, полагается на одного Бога, как Он поведет. Кто в действительности в это время ведет человека? и кто правит обществом? До этого как бы нет дела, и разве это важно? важно здесь и сейчас распорядиться своими силами. — Я первый стал хлопать, и за мной другие; нехотя расходились на заднем дворе ГИТИСа, не отпускали Аверинцева; там была Катя Корнилова, ее приятель, который записывал его на ленту. И Рената сказала, что это островок другой культуры, а я — что единственно возможной, и это правда.

6.8.1986. Если ты хочешь говорить, дождись сначала молчания или выйди в молчание, как счастливый Аверинцев.

12.8.1986. Интервью Аверинцева. Под длинной усыпляющей по сути дела беседой об Арбате, о музее Скрябина он дает почувствовать горную породу, такую подводную скалу, на которой можно стоять. Это “подлинность”, в конце — жить не по лжи; и к этому правилу уместно прибавлено: “и не поддаваться лени ума и сердца”. Это явно против “сторожей” и “трансцендентальных людей”.

16.8.1986. В “Огоньке” он был как бы на чужом дворе и должен был отчасти держаться их манер. Когда ему вписали: “нельзя осуждать никого, кроме клеветников, ненавидимых народом”, он, конечно, сразу выбросил, — что за безобразие; но с несколькими перестановками смирился. — Он человек, который серьезно и важно относится к тому, что сейчас есть, и это очень редко то, что можно видеть глазами, немногим чаще то, что можно слышать, в гораздо большей мере душевное состояние человека, Аверинцев его словно вдыхает, осязает; и еще больше, безраздельно — дух, неуловимые веяния. У него всегда праздник, рандеву, этот таинственный выход к источникам питания. Он рассказывал, как переходил площадь с большим движением в Риме: глаза на купол церкви, размеренным шагом, не глядя на машины.

15.10.1986. Аверинцев в “Литературной газете” спорит с Гачевым? Гачев просто возбуждает себя, Аверинцев грустен, глубок, невероятно умен и имеет под собой такую уплотненную почву наговоренного, надуманного. “Последнее слово для меня — не художественность, не эстетическое; последнее слово — духовная трезвость, т. е. состояние, при котором слово поверяет себя молчанием, а эмоциональный порыв соотносится с духовными, а не просто душевными, критериями”. Или это высокопарность?

2.11.1986. Ехать к Николе (на Кузнецях). Берем по дороге Аверинцевых. Он спешит в храм под звон колоколов; отойдя от исповеди, бросается на колени, потому что как раз херувимская; потом весел, лёгок. Ставим свечку на могиле его родителей, и там уже нет

hic invocantur, стоит другое: “У Господа милость, и многое избавление”.

14.12.1986. Аверинцев рад переменам в стране, и как странно, что за дело дано было взяться такому серому и пошлomu созданию, Чичикову, как назвал я, — не его ли в самом деле предвидел Гоголь в конце времен? Нет. Фантазии одно, дело — другое. И вот что: России дается последний шанс, может быть, последние полшанса, если за них она не схватится... Раньше за границей он на вопросы о стране отвечал: живу в России. Теперь он отказал себе в этом удовольствии. Все мы насельники одной камеры. И как важно, как единственно спасительно, чтобы вместе держались хотя бы те, кому это заповедано в Евангелии. Он легко сходится с людьми других христианских вероисповеданий; только с мусульманами не было случая сдружиться. Но вот армяне: они враждебны к грузинам и признают христианское родство с ними только в порядке общего фронта против азербайджанцев. Это готовый армянский анекдот. Что такое христианское единение? Это когда грузины и армяне вместе идут бить азербайджанцев. — Мы оба подходили к трапезе; Аверинцев задержался: Рожков пригласил его на следующую неделю в алтарь. — На обратном пути Аверинцев сказал, что против своих правил подписал обращение об освобождении украинского переводчика Григория Великого, не мог отказать его жене. Он не знает, что будет. Но чувствует: обида на себя будет огромная, если, имея возможность действовать, сидели сложа руки. И вот: Верховный суд Украины (уже?) не утвердил трехлетний приговор. Неужели причина в том заявлении? Там он верноподданнически увещевает: если теперь вами взят такой курс, то вот хороший повод и случай показать, etc. Я сказал, что, мне кажется, “они” существуют только в нашем воображении, власти как индивида не существует. Ну, это кафкианская картина, сказал Аверинцев. Он редко возражает, собственно, никогда; он просто вносит, вводит другую точку зрения. — Как нелепо, говорит он, что Зелинский уезжает именно теперь, когда, похоже, что-то можно делать. И еще: он искренно хочет продолжения этого строя, этой государственности, потому что альтернатива даже не бунт, слово “бунт” обозначает еще очень большую степень порядка по сравнению с тем, что произойдет.

2.1.1987. Я слушаю записи весенних лекций Аверинцева в ГИТИСе и еще раз убеждаюсь: дар есть дар, он непостижим и необъясним.

5.1.1987. Записываю средневековую импровизацию Аверинцева, и в чем ее прелесть: он как ребенок залезает в картинку, просачивается сам, точно как он вот есть такой робкий, любопытный, умный и пишущий, — туда, о чем говорит, в эти Средние века, к тем тогдашним людям. Царственная любознательность ребенка, и что прочное, на чем всё стоит — достойное спокойствие его теперешнего положения, смиренный ребенок при уважаемых родителях. Каждая фраза с его странной мелодией интересна, хоть слушая в четвертый раз, и дело не в содержании (разве что мелкие немцы и то, что ему меньше знакомо, чуть меньше интересно), а в том, есть у него вдохновение или нет. Вдохновение у него почти всегда есть. Вдохновение какое? Бодрая воля осторожно обходить края своих владений, внимательно и уважительно притрагиваться к вещам, с которыми соприкоснулась его жизнь. Она с такими многими соприкоснулась, и так многие ее без усилия впустили в себя, пригласили. Он такой тихий, живой и любезный, что его любят приглашать не только люди, но и вещи.

15.1.1987. Золотая молодежь, задумался Аверинцев и заговорил с кошкой: “А вот мы с тобой разночинцы...” И он вдруг оживился: “Я существую за счет их деток исключительно. Как у Анны Андреевны: “...Ваши дети за меня вас будут проклинять”. Я сказал, что всегда говорил, что на их деток главная надежда”. — И главная угроза от них...

24.1.1987. Аверинцев в Политехническом музее, какое скопление народа, как его все

любят. Лекция мне не показалась; главное в ней было о прекрасной, напряженной бодрости средневекового интеллектуала, о Катерине Сьенской, повелевавшей и добившейся, — где теперь, после всех волн эмансипации, такие женщины? Так же интенсивно и радостно живет сам Аверинцев, и так же отрешенно, “пускай будет так”. Средневековье у него — “корпоративный авторитарный плюрализм”.

1.2.1987. Аверинцев говорил по поводу разгула русской партии в ЦДЛ, что если бы могущественные масоны существовали, они должны были бы тратить основные свои средства на разжигание масоноискательства, юдофобии; так в одном рассказе Честертон парижский еврей систематически переодевался в антидрейфусарского офицера, шел в кафе напротив своего дома и вел там зажигательные речи, указывая на окна собственной квартиры: “Там живет грязный еврей”. Не надо никогда давать им, партийным людям, думать, что мы их не любим за их такую-то программу: нет, за партийность. Они агенты нечистого, потому что партийны. — Как стояли у Николы и что мне сказал Ав после, на улице, я уже написал. Потом поехали на Арбат, мимо Ренатиных мест, и Сережа вспомнил свое детство. Он пошел в школу с 5 класса. Школа была хулиганская, на него смотрели как на невероятную невидаль и бросали камнями. А кроме того, он не мог ничего сделать в общем туалете на виду у всех. Родители перевели его в другую школу, где больше было еврейских детей, и так раз и навсегда решилось, что Аверинцеву не бывать почвенником: с еврейчатами было легче. Хотя всё было, и Аверинцев был очень нехорош, и, думает он сейчас, как мог не заслуживать подозрения человек, который однажды в порыве вдохновения прочертил линию по почти незаметному порогу, отделявшему их комнату от остальной коммунальной квартиры, со словами: “Здесь вот кончается мое отечество”, и тем более в школе всё считал чужим себе. Уже в старших классах он написал стихи о себе — Данте, тоже побывавшем в аду и тоже непричастном аду: прошел через ад и остался ему чужд. Я слушал и думал, я не мог бы о себе такого сказать. — У пятнадцатилетнего, четырнадцатилетнего Аверинцева лучший друг, после отца и матери, был шестидесятилетний географ, человек, до революции напечатавший книгу стихов. И для Аверинцева было откровением, при общем чувстве полной отрезанности всего, что было до 17 года, слышать от этого человека: “А вот мы хотели переименования Петербурга в Петроград, потому-то”. Живой и нестарый осколок того мира. В 1952-м они двое гуляли по Ленинграду, и “Кто такой этот Халтурин?” — заносчиво спросил Аверинцев о названии улицы. “Человек, который как раз всю эту красоту хотел взорвать”. Аверинцев рассказывал так задумчиво, так загадочно. В нем главное не что, а когда, в какой момент он говорит, не говоримые вещи, а минута его жизни.

25.3.1987. Аверинцев в Доме ученых говорит перед большим залом, где 20 человек стоят — но потом, как раньше не бывало, многие уходят, — через микрофон, так просто, о родителях, с которыми жил в одной комнате, о страхе перед ними и уважении к ним, к их взрослой тайне; об их серьезности. Теперь наоборот, теперь недоступны скорее дети. Он рассказывал сказки о прошлом, вставил о “сексе”, заменившем все другие названия для жизни чувства и имеющем неисторический характер; и боюсь, что о сексе — немного для аудитории. Очень хорошо о том, что западное, не требующее усилия, проходит легко, а вот нравственное... его движению всегда преграды, в том числе и особенно с Запада... И еще хорошо: ничего не бывает без нашего усилия, всегда действовали и действуют те, что подставляют себя опасности получить по носу.